

Козлова С. А. Традиционное природопользование локальных старообрядческих (семейских) сообществ Забайкалья в XVIII—XX веках: теоретико-методологическая основа исследования / С. А. Козлова // Научный диалог. — 2020. — № 9. — С. 373—390. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-373-390.

Kozlova, S. A. (2020). Traditional Use of Natural Resources of Local Old Believer (Se-meiski) communities of Transbaikalia in the 18th—20th Centuries: Theoretical and Methodological Basis of the Study. *Nauchnyi dialog*, 9: 373-390. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-373-390. (In Russ.).

УДК 330.16(571.54/.55)“17/19”

DOI: 10.24224/2227-1295-2020-9-373-390

ТРАДИЦИОННОЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕ ЛОКАЛЬНЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ (СЕМЕЙСКИХ) СООБЩЕСТВ ЗАБАЙКАЛЬЯ В XVIII—XX ВЕКАХ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ИССЛЕДОВАНИЯ

© Козлова Светлана Алексеевна (2020), orcid.org/0000-0001-5056-0346, старший преподаватель кафедры охотоведения и биоэкологии, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Иркутский государственный аграрный университет имени А. А. Ежевского» (пос. Молодёжный, Иркутская область, Россия), svetsergo1@yandex.ru.

Рассматриваются некоторые теоретические аспекты исследования традиционного природопользования локальных старообрядческих (семейских) сообществ, проживающих в Забайкалье. На основе имеющихся теоретических трудов культурной географии, этнологии, культурологии, социологии и других смежных дисциплин выполнен анализ понятий «локальное сообщество», «жизнеобеспечение», «традиционное природопользование» применительно к старообрядческим общинам. Предпринята попытка выявления достоинств изучения старообрядчества в Забайкалье с помощью категории локального сообщества. Показано, что при комплексном изучении локальных сообществ семейских Забайкалья выступают следующие элементы: природа как среда жизни старообрядческих сообществ, природные ресурсы, традиции и свод действий, которые регулируют социальную и производственную жизнь, религиозная основа, определяющая поведение сообщества и его отдельных членов, основные материальные и духовные потребности, на удовлетворение которых направляется большая часть энергии человеческих коллективов. Отмечается, что понятие «жизнеобеспечение» разнообразно, динамично и имеет широкие приспособительные возможности. Категория традиционного природопользования применяется для изучения культурно-географической преемственности семейских и специфики их жизнеобеспечения в условиях забайкальской географической среды. В связи с этим традиционное природопользование семейских представлено как комплекс стратегий по рациональному использованию природных и земельных ресурсов.

Ключевые слова: старообрядцы; семейские Забайкалья; локальное сообщество; жизнеобеспечение; традиционное природопользование; географическая среда.

1. Введение

Старообрядческое движение, сформировавшееся после церковной реформы 1660-х годов, получило широкое географическое распространение не только в России, но и за рубежом. Адаптационные стратегии старообрядцев, переселённых на территорию Забайкалья, проявились в формировании специфических форм хозяйствования. Старообрядческая хозяйственная деятельность отличалась от хозяйственной деятельности окружающего русского старожильского и коренного населения. В первую очередь она была регламентирована религиозными факторами. В течение длительного времени старообрядцы сохраняли архаичные черты культурного и производственного комплекса, народнохозяйственный календарь, их быт подчинялся религиозным канонам. Мировоззрение старообрядцев не носило формального характера. Труд на земле был полностью осознан, сопровождался молитвами и комплексом ритуалов, способствовал формированию стойкого чувства принадлежности к конкретному сообществу. Благодаря этому локальным старообрядческим сообществам удавалось поддерживать высокий уровень самодисциплины, что приводило к их экономическому процветанию. Исследование жизнеобеспечения локальных сообществ и образа жизни внутри каждого из них может дать ответ на вопросы о стабильности традиционных хозяйственных систем.

2. Старообрядческие (семейские) локальные сообщества Забайкалья

Старообрядческие локальные сообщества проживают в Западном Забайкалье с первой половины XVIII века. Они были переселены по указу правительства целыми семьями с принадлежавших на тот момент Польше территорий. Это Ветка, Стародубье, Клинцы и др. поселения, которые находятся в пределах современных Брянской (Россия), Черниговской (Украина) и Гомельской (Белоруссия) областей. Поэтому, по одной из версий, их называют семейскими. Справедливо называть территорию Западного Забайкалья вторично возникшим центром старообрядчества, для которого характерны абсолютно новые типы хозяйствования.

Семейские — этноконфессиональная группа населения, входящая в состав старообрядчества Байкальского региона, имеющая свою выраженную специфику [Костров, 2006]. Семейские как группа населения обладают целостностью, единством материальной и духовной культуры. Внутри этой группы существуют различия, в том числе бытового и религиозного характера, которые позволяют говорить не о целом сообществе, а о локальных сообществах семейских Забайкалья. Бытовые различия обусловлены вмещающими ландшафтами. В пределах Хэнтэй-Чикойского нагорья, где

проживают семейские, распространены лесостепные и горнотаёжные ландшафты, составляющие территориальную основу традиционного природопользования. Последнее является одним из вариантов природопользования населения, длительно проживающего в конкретной местности, оно основано на рациональном использовании возобновляемых ресурсов природной среды. Долговременным мы считаем постоянное проживание сообщества в локализованном географическом пространстве в течение столетий. Семейские проживают в Забайкалье более двух с половиной веков. В результате сформировались их системы жизнеобеспечения. По территориальному принципу можно выделить две группы: чикойские и селенгинские семейские. Что касается духовных различий, то их отмечается множество. Старообрядчество — это явление в российском социуме, которое вмещает в себя совокупность религиозных течений и организаций в русле русской православной традиции, при этом отвергает принятую в середине XVII века церковную реформу. Жители северных, центральных и южных губерний подверглись гонениям со стороны церковной и светской властей. Эта реформа вызвала многочисленные миграции старообрядцев в труднодоступные районы страны и за рубеж. Возникло значительное количество старообрядческих центров и отдельных религиозных лидеров. Церковные литературные источники дореформенного периода начали истолковываться по-новому. Особенностью старообрядчества стала пестрота ветхозаветных интерпретаций. Одновременно прослеживается единство всех старообрядческих общин в стремлении к изоляции, обособлению.

Семейские старообрядцы в течение XVIII — первой половины XX веков выделялись трезвым, подчеркнуто религиозным образом жизни. Среди них всегда было много должников. Старообрядцы известны своим строгим отношением к табакокурению, алкоголю. Долгое время они не употребляли чай, несмотря на то что через территории их проживания проходил Кяхтинский тракт, славившийся чайной торговлей. При этом старообрядцы оказывали транспортные услуги или сами занимались торговлей. Официальная медицина в сообществах запрещалась духовными лидерами, отдавалось предпочтение траволечению, широко применялись для поправки здоровья различные биостимуляторы, например, продукция пантового изюбреводства.

Современные семейские — группа русского народа, являющаяся потомком старообрядческих конфессиональных сообществ, проживающая на территории Западного Забайкалья, частично сохраняющая религиозные и обрядовые традиции, диалекты, обладающая своеобразной ментальностью, которая находит своё отражение в хозяйственной деятельности и

духовной культуре. Ввиду религиозных, некоторых хозяйственных, фольклорных различий внутри этой группы можно говорить о локальных сообществах семейских.

3. Локальное сообщество в культурной географии и смежных дисциплинах

В географических науках, этнологии, антропологии и других естественнонаучных и гуманитарных направлениях существует устойчивый интерес к изучению обособленных в хозяйственном, культурном и территориальном плане групп людей. Мы рассмотрели ряд понятий и категорий в рамках разных теорий, из которых наиболее подходящей для нашего исследования является концепция локального сообщества. Впервые она была предложена в социологии, основывается на изучении территориальных проявлений социальных отношений и группы людей со своими потребностями. Концепция разрабатывается зарубежными и отечественными географами, историками, социологами, антропологами, философами, культурологами [Добрякова, 1999; Каганский, 2001; Рагулина, 2013; Зазулина, 2017; Ореховская, 2017; Arensberg et al., 1974; Hillery, 1955; Kaganskii, 2013; Ragulina, 2011].

Гидденс считает, что суть локального сообщества как социально-географической категории заключается в неразрывной связи набора конкретных природных ландшафтов с социумом [цит. по: Рагулина, 2013]. Локальное сообщество — это конкретное выражение связей природной и социальной среды, формирующее традиции природопользования, приспособленные к определённому пространству и времени. Основные характеристики локального сообщества, на которые обращают внимание исследователи, — его географическое обособление и сильные социальные взаимосвязи, объединяющие жителей [Добрякова, 1999]. Понятию локального сообщества близко определение территориальной общности людей как закономерно пространственно организованной группы, которую объединяют множество территориально опосредованных связей и отношений социального, экономического, политического и духовного характера [Трофимов и др., 1993]. Однако понятие «локальное общество» имеет более узкое значение в отличие от «территориальной общности».

Локальное сообщество представляется как «микромодель общества, внутри которой происходят все процессы, свойственные большому обществу» [Ахметова, 2009, с. 139]. Определить его можно по внешним и внутренним признакам. К внешним относятся территория поселения, социально-экономические связи и отношения, историческая судьба локального

сообщества. К внутренним признакам можно отнести характер и способы взаимодействия между субъектами сообщества, которые обладают своеобразием (религия, традиции, морально-этические нормы и установки и т. п.).

Локальное сообщество выступает основным элементом в определении культурного ландшафта, который понимается как синтез творчества человека и природы. Сотворчество человека и природы содержит комплекс материальных и духовных ценностей, которые характеризуются высокой степенью историко-географической, экологической и социокультурной информативности [Веденин, 2001; Кулешова, 2000; Czepczyński, 2008; Kuleshova, 2013]. Локальное сообщество предстает в виде интегрированной совокупности индивидуумов и групп населения, социальных связей в определённых рамках окружающей среды.

Взаимосвязь локального сообщества и вмещающего пространства проявляется в упорядочении смыслов ландшафта для тех, кто его населяет, и тех, кто им управляет. Природный ландшафт трансформируется в культурный и развивается. Понятия о многообразии значений культурного ландшафта в жизни сообщества, об актуальности смысловой наполненности жизни в культурном ландшафте, отмеченные М. В. Рагулиной [Рагулина, 2013], применимы в историко-географических исследованиях. Культурно-ландшафтный подход рассматривает проблему локального сообщества в контексте ее целостных связей с остальными социумами в конкретном географическом пространстве. Локальное сообщество представляет собой совокупность социоприродных отношений в естественных условиях окружающей действительности. Его роль заключается в воплощении этой связи, и поэтому к нему часто применяется системный подход [Рагулина, 2004].

Внутри локального сообщества наблюдается специфическая структура. Также локальному сообществу присущ социоприродный фон, который является по отношению к нему внешним. В задачи исследования локальных сообществ входит отслеживание проявлений их целостности. Как показал опыт, наличие заранее проработанной исследовательской процедуры (планы, анкеты, опросники) не полностью оправдывает свою необходимость: в конкретных полевых условиях реальность задает нужные направления и ставит на первый план новые проблемы.

В историко-географических исследованиях также имеет место гибкость используемых подходов: общение с респондентом позволяет поставить новые вопросы, а исторические источники и архивные документы часто содержат информацию, которая изначально не являлась целью. Поэтому набор исследовательских методов локальных сообществ ввиду своей междисциплинарности и привязанности к месту, ориентированно-

сти на изучение историко-географических факторов образа жизни признан наиболее подходящим для раскрытия темы о локальных сообществах семейских Забайкалья.

Изучение локальных сообществ основано на выявлении субъективной стороны исследуемых процессов, что сближает их с феноменологическим культурно-ландшафтным подходом, когда точка зрения внешнего наблюдателя (аутсайдера) сопоставляется с интерпретациями и жизненным опытом члена сообщества (инсайдера) [Cosgrove, 1998]. В случае рассмотрения жизнедеятельности старообрядцев (семейских) Забайкалья прослеживается воплощение нематериальных религиозных и мифологических представлений в материальные формы предметной деятельности, поведения и в итоге — в изменение культурного ландшафта. Изучение старообрядчества без попыток умозрительного проникновения во внутренний мир данного объекта не сможет дать полной картины их жизненного устройства. Работы советского периода, отличающиеся антирелигиозной направленностью, рассматривали старообрядческие общины как реакционное, отсталое население внутри всего советского сообщества и не могли объективно объяснить специфику их мировоззрения и хозяйства. Однако «субъективность описаний, тесный контакт с респондентом, участие в жизни сообщества из недостатков метода превращаются в его достоинства, ибо позволяют проникнуть в мир респондента и взглянуть на рассматриваемые явления его глазами» [Добрякова, 2001, с. 41—42].

Мировоззрению старообрядцев присуще противопоставление «чистого» и «антихристового» пространств. Такая поляризация способствовала изолированности их хозяйственного уклада и минимальным заимствованиям от окружающего православного и иноэтничного населения. При взаимодействии с представителями внешнего мира старообрядческое сообщество прежде всего ставило вопрос о принадлежности человека, социального института, предмета «божьему» или «антихристовому» полюсу. И после этого строилось взаимодействие: принимающее в первом случае и отторгающее во втором. Однако в ходе исследования выявлено множество конкретных ситуаций, когда семейский старообрядец приспособливался к неблагоприятной с его религиозно-нравственной точки зрения среде, сохраняя внутренние морально-нравственные установки, регламентирующие его поведение [Козлова, 2012]. В рамках традиционных естественно-научных, позитивистских подходов поведение старообрядцев кажется нерациональным, исполненным многочисленных предрассудков. Напротив, субъективный, феноменолого-географический подход позволяет встать на позицию респондента и понять, что с его точки зрения в этом охранитель-

ном разграничении есть своя логика. А. В. Костров [Костров, 2010] подчеркивает, что советская власть, занимавшаяся активной антирелигиозной пропагандой, воспринималась как «власть антихриста» и поэтому члены локальных сообществ защищали и себя, и свое пространство от возможного осквернения. Защита пространства сводилась к запрету контактов, использования земли общины для погребения коммунистов и членов их семей, отказу от подачи сведений в органы власти [Там же, с. 36—38]. Приведенный пример относится к истории установления советской власти и показывает, что феноменологический подход необходим как в процессе непосредственного общения с респондентами, так и при анализе документов в ходе историко-географического исследования.

В условиях современных процессов глобализации значительно утрачивается важность социальных и природно-культурных границ в социальных взаимодействиях, в то время как в исследуемый период (XIX — первая четверть XX веков) они были значимы и актуальны. Границы пространства, социальной и географической идентичности, установленных норм поведения и потребления выявляются в ходе историко-географического анализа.

4. Теоретические аспекты жизнеобеспечения и традиционного природопользования

Жизнеобеспечение в широком смысле — это поддержание жизни социума посредством духовного начала и материального освоения ресурсов окружающей среды. Концепция жизнеобеспечения занимает видное положение в культурной географии и обнаруживает пересечение с понятием культурной адаптации и адаптивных стратегий [Рагулина, 2004]. Естественное распределение природных ресурсов накладывает ограничения на жизнь социума, способствует формированию особенностей природопользования и социальной структуры.

Системе жизнеобеспечения как исследовательской категории соответствует понятие традиционного природопользования. В настоящее время распространено мнение, что локальные сообщества, трансформированные, испытавшие значительное влияние в результате достижений научно-технического прогресса и ассимиляции, удобнее изучать с точки зрения жизнеобеспечения. «Для обобщения сведений о сообществах, находящихся на различных стадиях социо-культурной модернизации и уже явно отошедших от традиционного (в социально-экологическом и этнографическом смыслах слова) уклада жизни, становится необходимым применение понятия “система жизнеобеспечения” и производных от него. Видимо, именно в этой области лежат перспективы дальнейшей разработки содер-

жания понятия “жизнеобеспечение” или “система жизнеобеспечения” как, с одной стороны, методологического основания конкретных исследований и сбора и упорядочивания фактических данных, так и, с другой стороны, обобщения полученных результатов и, возможно, классификации изученных сообществ» [Ямсков, 2017, с. 42].

По нашему мнению, категория традиционного природопользования подчеркивает и другие аспекты жизни социума в географической среде и может применяться вместе с понятием жизнеобеспечения. Последнее больше нацелено на выявление внутренних связей сообщества и территории, оно «этноэкологично», а традиционное природопользование ориентировано на учет динамики, деятельности и имеет этногеографический характер.

Традиционное природопользование — это система использования природных ресурсов и объектов, которая передается из поколения в поколение внутри локального сообщества в виде навыков хозяйственной деятельности, а также обычаев, которым свойственен ментальный компонент. В российской науке оно представляет собой комплекс способов и видов использования ресурсов территории и учитывает их символическую значимость для воспроизводства коллектива. Чаще всего это понятие применяется в контексте сельских, в том числе этнических сообществ, ведущих традиционный образ жизни, слабо владеющих современными научно-техническими средствами, тесно связанных с природной средой. Субъектами традиционного природопользования в современной этногеографии и этнологии преимущественно являются коренные малочисленные народы севера. Однако, на наш взгляд, это понятие обладает более широким потенциалом, который превосходит цели исследования этнических особенностей. Так, в настоящее время проведено множество исследований на тему локальных сообществ, основанных на конфессиональном принципе, с позиций адаптации к природной среде, чередования отраслей в хозяйственном комплексе, его устойчивости и сопряженности с религиозной картиной мира [Максимова, 2003; Попова, 2015; *Geographical factors of formation ...*, 2018]. Традиционное природопользование имеет черты этнодифференцирующего характера, оно включает хозяйственные и культурные компоненты традиционно-бытовых систем [Белобородова, 2011]. К традиционному близко понятие этнического природопользования как исторически и генетически сложившегося комплекса видов и способов эксплуатации территории, демографических, социальных и культурных особенностей, обеспечивающих воспроизводство коллектива [Филиппова, 1993].

В настоящее время традиционное природопользование активно используется и как научная категория, и как политико-юридическое понятие,

позволяющее решать вопросы территориального планирования и управления.

Главная методологическая задача научных категорий систем традиционного природопользования и систем жизнеобеспечения состоит в возможности проведения анализа трансформации и модернизации локальных сообществ — субъектов традиционного природопользования. Перед современным исследователем стоит вопрос, до какой степени необходимо углубиться в историко-географическое изучение, чтобы проследить, откуда пошло и как менялось, адаптируясь к природной и социальной среде, традиционное природопользование. Интересно, что в зарубежной науке и юридической практике наследственный принцип владения территорией служит основанием выделения аборигенного сообщества, и при этом уровень его трансформации, степень отхода от хозяйственных моделей, свойственных предкам, и заимствования современных технологий не играет особой роли [Condon, 1995; Lowenthal, 1975; Lewis, 1979]. В России по-иному оценивают ситуацию: трансформированность локальных этнических сообществ зачастую выступает аргументом в пользу того, что на льготы прав у них нет. Ведь население не имеет особых связей с территорией, не придерживается обычаев, ничем не отличается от сельского населения других регионов. Справедлив тезис о том, что связи локального сообщества и территории могут кардинально меняться во времени, и каждая из новых хозяйственных систем станет требовать новых качественных и количественных параметров ареала природопользования [Рагулина, 2013]. Основным критерий, по которому определяется «традиционность» традиционного природопользования в России — преемственность некоего исходного комплекса навыков и отраслей, нижняя временная границей которого не определена, а верхняя поднимается до начала коллективизации [Ямсков, 2000]. Таким образом, рассматриваются два основных этапа традиционного природопользования. Первый этап обширен и содержит множество перемен, кризисов и событий. Второй, трансформационный этап связан со становлением советского периода. Оба оказали идеологическое влияние, в результате которого духовная основа традиционного природопользования подвергалась обесцениванию: и кочевые народы Сибири, и локальные группы русских старожилов принуждались к атеистическому мировоззрению. Слаженность жизни с природным ритмом, выраженная в православном, старообрядческом, кочевом бесписьменном календарях, заменялась понятиями плана и норм выработки. При этом традиции никуда не исчезли, они продолжили развиваться даже в этих сложных условиях, приспосабливаясь к административным и социальным изменениям, а также новым состояниям окружающей среды.

Как было установлено в культурной географии, природный ландшафт лишь «задает» возможности традиционного природопользования, а как они реализуются, определяет собственно традиция, представления о социальном и сверхъестественном мирах, закрепленные в культуре и передающиеся из поколения в поколение [Sauer, 1925].

Состояние традиционного природопользования определяет множество характеристик, что побудило исследователей сгруппировать наиболее важные факторы в крупные блоки: социокультурный (население, демографические особенности, культурные и мировоззренческие традиции); экономический (отрасли хозяйства и их связь, чередование экономических приоритетов и его вклад в жизнеобеспечение); природный (ресурсная основа жизнеобеспечения, устойчивость и продуктивность источников продовольствия, которые поступают из природной среды с помощью технологий сообщества). Традиционное природопользование в этом случае представляет единство всех выделенных блоков, выражает их подвижность и качественные изменения.

Существует взгляд на традиционное природопользование как часть природного наследия, выраженного в категориях культурных ландшафтов [Кулешова, 2000]. Исследования традиционного природопользования сельского населения смыкаются с изучением домохозяйств, в том числе их неформальной экономики [Барсукова, 2012; Tulaeva, 2017]. Эти работы перекликаются с современными работами этнологов и антропологов, посвященными этническим сообществам Сибири и русским старожилам, в которых выявлен феномен формирования смешанной социальной среды в сибирских регионах [Вахтин, 2017; Sirina, 2008; Sirina, 2018]. Эта социальная среда формировалась с помощью долговременных соседских отношений, брачных и аккультурационных контактов, а также природных условий, и поэтому ее представители ведут сходный с этническими сообществами образ жизни.

Современное рекреационное освоение старообрядческих культурных ландшафтов служит индикатором символической востребованности отдельных частей жизнеобеспечения, образа жизни, обрядово-бытовой культуры. В последние десятилетия во всем мире значительно возрастает интерес к аграрному, этно- и культурному, охотничьему туризму. Применительно к старообрядческим локальным сообществам можно выявить символические потребности современного общества, его видение традиционного образа жизни семейских старожилов. В большинстве работ при исследовании традиционного природопользования подчеркивается минимальное присутствие рыночных нужд. Как выяснилось в ходе исследования, в то же

время локальные сообщества всегда жили и живут в общем экономическом и социокультурном пространстве. Старообрядцы еще до революции были вовлечены в товарно-денежные отношения. Производство разнообразной продукции, в том числе сельскохозяйственной, и поставки ее на рынок были одним из основных способов жизнеобеспечения [Козлова, 2019]. Закрытость, нерыночный характер хозяйства должны консервировать традиции межпоколенной преемственности, но в отношении старообрядцев всё почти наоборот: сообщества, активно участвуя в социально-экономическом развитии региона, максимально полно придерживались обычаев и традиций предков, потому что религия обладала структурообразующей ролью в данном сообществе.

Еще один важный аспект рассмотрения историко-географических тенденций хозяйственно-культурной динамики семейских старообрядцев с позиций традиционного природопользования — представление об отраслевой связанности его компонентов с помощью управляющего, или информационного, блока, куда можно отнести нравственные регуляторы, картину мира и его религиозный образ.

5. Выводы

Исследования семейских с помощью категорий локального сообщества, жизнеобеспечения и традиционного природопользования имеют множество преимуществ. Этим категориям присущи гуманистическая ориентация и историзм. Семья, религия, значения пространства, способы жизнеобеспечения, производственной деятельности, потребления материальных и духовных благ связаны и соотносятся с конкретно-исторической средой и обстановкой своего бытования и развития. Изучение локальных сообществ семейских продуктивно для осмысления проблемы границ в географии, культурологии и других смежных дисциплинах.

В отношении такой группы русских старожилов, как старообрядцы Западного Забайкалья (семейские), можно с уверенностью заключить, что их способ хозяйствования подпадает под большинство критериев выделения традиционного природопользования: это длительность освоения, адаптация хозяйственных приемов, одухотворение территории, ее важное место в воспроизводстве традиций общества, сохранении его внутренней структуры и региональной идентичности членов.

Не подлежит сомнению вклад традиционного природопользования в сохранение культурного облика семейских, их самобытности. Демография, история, приемы хозяйства связаны с территорией и представлены в социальной жизни. В них со всей очевидностью проявляется хозяй-

ственно-культурная адаптация, затрагивающая и материальные, и духовные грани жизнеобеспечения локальных старообрядческих сообществ Забайкалья.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ахметова С. А.* Сельское локальное сообщество как объект монографического исследования / С. А. Ахметова // Учёные записки Казанского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. — Казань : Изд-во Казанского государственного ун-та. — 2009. — Т. 151, № 5—2. — С. 139—149.
2. *Барсукова С. Ю.* Неформальная экономика : понятие, история изучения, исследовательские подходы / С. Ю. Барсукова // Социологические исследования. — 2012. — № 2. — С. 31—39.
3. *Белобородова И. Н.* Стереотипные формы поведения в традиционном природопользовании севернорусского крестьянства (конец XIX — начало XX в.) / И. Н. Белобородова // Уральский исторический вестник. — 2011. — № 2 (31). — С. 73—81.
4. *Вахтин Н.* Русские старожилы Сибири : Социальные и символические аспекты самосознания / Н. Вахтин, Е. Головкин, П. Швайтцер. — Москва : Новое издательство, 2004. — 290 с.
5. *Веденин Ю. А.* Культурный ландшафт как объект культурного и природного наследия / Ю. А. Веденин, М. Е. Кулешова // Известия АН. Серия географическая. — 2001. — № 1. — С. 7—14.
6. *Добрякова М. С.* Исследования локальных сообществ в социологической традиции / М. С. Добрякова // Социологические исследования. — Москва : ФГУП «Академический научно-издательский, производственно-полиграфический и книгораспространительский центр «Наука». — 1999. — № 7. — С. 125—133.
7. *Добрякова М. С.* Исследования локальных сообществ в контексте позитивизма, субъективизма, постмодернизма и теории глобализации / М. С. Добрякова // Социология : методология, методы, математическое моделирование. — 2001. — № 13. — С. 27—59.
8. *Зазулина М. Р.* «Локальное сообщество» в системе координат социальных наук / М. Р. Зазулина // Философия в условиях социокультурного многообразия : от экспертного знания до мировоззренческих ориентиров : сборник материалов Всероссийской конференции, посвященной 100-летию гуманитарного образования в Саратове. — Саратов : ИЦ «Наука», 2017. — С. 46—49.
9. *Каганский В. Л.* Мир культурного ландшафта / В. Л. Каганский // Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — С. 23—133.
10. *Козлова С. А.* Золотодобыча в Забайкалье в 19—20 вв. и участие в ней старообрядцев / С. А. Козлова // Регионоведческий исследовательский журнал «Ойкумена». — 2012. — № 3. — С. 33—39.
11. *Козлова С. А.* Торговля в системе жизнеобеспечения старообрядцев Забайкалья в XVIII—XIX вв. / С. А. Козлова // Научный диалог. — 2019. — № 2. — С. 237—253. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-237-253.
12. *Костров А. В.* Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX — начале XX вв. / А. В. Костров. — Иркутск : Изд-во «Оттиск», 2006. — 160 с.

13. *Костров А. В.* Советская власть и старообрядцы Байкальской Сибири в 20-е гг. XX в. / А. В. Костров // Новый исторический вестник. — 2010. — № 1 (23). — С. 35—42.
14. *Кулешова М. Е.* Культурные ландшафты : общие представления, понятия, подходы к оценке / М. Е. Кулешова // Экологические проблемы сохранения исторического и культурного наследия. — Москва : Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия, 2000. — С. 37—52.
15. *Максимова А.* Традиционное природопользование русских монастырей [Электронный ресурс] / А. Максимова // Альфа и Омега : сборник статей. — 2003. — № 37. — Режим доступа : <https://www.pravmir.ru/traditsionnoe-prirodopolzovanie-russkih-monastyirey/>. (дата обращения: 25.08.2019).
16. *Ореховская Е. В.* Трансформация определения термина «локальное сообщество» / Е. В. Ореховская // Фундаментальные научные исследования : теоретические и практические аспекты : сборник материалов IV Международной научно-практической конференции. — Кемерово : Изд-во ООО «Западно-Сибирский научный центр», 2017. — С. 88—93.
17. *Попова О. В.* Географический аспект трансформации природопользования старообрядцев в России / О. В. Попова, Р. Р. Фаткулина // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2015. — № 6 (181). — С. 217—228.
18. *Рагулина М. В.* Культурная география : теории, методы, региональный синтез / М. В. Рагулина. — Иркутск : Изд-во Ин-та географии СО РАН, 2004. — 171 с.
19. *Рагулина М. В.* Локальное сообщество и культурный ландшафт в современном мире [Электронный ресурс] / М. В. Рагулина // Современные проблемы науки и образования : сборник статей. — 2013. — № 6. — Режим доступа : <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10893> (дата обращения: 25.08.2019).
20. *Трофимов А. М.* Теория организации пространства / А. М. Трофимов, А. И. Чистобаев, М. Д. Шарыгин // Известия Русского географического общества. — 1993. — Т. 125, № 2. — С. 10.
21. *Филиппова М. В.* Экономико-географические основы формирования этнического природопользования на примере малочисленных народов Иркутской области — тофаларов и эвенков : автореферат диссертации ... кандидата географических наук : 11.00.11 / М. В. Филиппова. — Иркутск, 1993. — 18 с.
22. *Ямсков А. Н.* Традиционное природопользование : проблемы определения и правового регулирования / А. Н. Ямсков, Н. И. Новикова, В. А. Тишков // Юридическая антропология. Закон и жизнь. — Москва : Издательский дом «Стратегия», 2000. — С. 172—185.
23. *Ямсков А. Н.* Системы жизнеобеспечения и хозяйственно-культурные типы / А. Н. Ямсков // Этнос и среда обитания : сборник статей по этнической экологии. — Москва : Старый сад, 2017. — Выпуск 5. Исследования систем жизнеобеспечения. — С. 36—47.
24. *Arensberg C. M.* Community study : Retrospect and prospect / C. M. Arensberg, S. T. Kimball // The Sociology of Community : A Selection of Readings. — London : William Clowes and Sons, Ltd., 1974. — Pp. 335—355.
25. *Czepczyński M.* Cultural landscapes of post-socialist cities : representation of powers and needs / M. Czepczyński. — Burlington, Vt. : Ashgate Publishing, Ltd., 2008. — 209 p.
26. *Condon R. G.* The best part of life : Subsistence hunting, ethnicity, and economic adaptation among young adult Inuit males / R. G. Condon, P. Collings, G. Wenzel // Arctic. — 1995. — Vol. 48, № 1. — Pp. 31—46.

27. *Cosgrove D. E.* Social Formation and Symbolic Landscape / D. E. Cosgrove. — Madison : University of Wisconsin Press, 1998. — 321 p.
28. *Geographical* factors of formation of agriculture in the Baikal Region in the XVII—XIX centuries / M. V. Ragulina, N. V. Rogovskaya, M. A. Grigorieva, N. A. Ippolitova // *Bylye Gody* — Russian Historical Journal. — 2018. — № 48. — Pp. 496—504. DOI: 10.13187/bg.2018.2.496.
29. *Giddens A.* Time, space and regionalization / A. Giddens // *Social relations and spatial structures* / Eds. D. Gregory and J. Urry. — London : St. Martins Press, 1985. — Pp. 531—533.
30. *Hillery G.* Definitions of Community : Areas of Agreement / G. Hillery // *Rural Sociology*. — 1955. — Vol. 20. — Pp. 111—123.
31. *Kaganskii, V. L.* Inner periphery is a new growing zone of Russia's cultural landscape / V. L. Kaganskii // *Regional Research of Russia*. — 2013. — Vol. 3, № 1. — Pp. 21—31.
32. *Kuleshova M. E.* Cultural landscapes and prospects for extending Russia's representation on the world heritage list / M. E. Kuleshova // *Regional Research of Russia*. — 2013. — T. 3, № 3. — Pp. 301—307.
33. *Lewis P.* Axioms for reading the landscape : some guides to the American scene / P. Lewis // *The Interpretation of Ordinary Landscape : Geographical Essays*. — New York : Oxford University Press, 1979. — Pp. 11—32.
34. *Lowenthal D.* Past time, present place : landscape and memory / D. Lowenthal // *Geographical Review*. — 1975. — Vol. 65, № 1. — Pp. 1—36.
35. *Ragulina M. V.* Integral Study of Ethnic Identity in Baikalian Siberia and the Role of Russian Colonization in its Shaping / M. V. Ragulina // *Social Identity : Series : Social Issues, Justice and Status*. — New York : Nova Science Pub, 2011. — Pp. 58—76.
36. *Sauer C. O.* The morphology of landscape / C. O. Sauer // *University California Publ. : Geography*. — 1925. — № 2. — Pp. 19—53.
37. *Sirina A. A.* The Living Land : Ecological Ethics of the Evenks and Evens / A. A. Sirina // *Sibirica*. — 2008. — Vol. 7, № 2. — Pp. 1—22.
38. *Sirina A. A.* The folks next door. Russian settlers and Evenki of the upper flow of the Lower Tunguska (19th — early 21st century) / A. A. Sirina // *Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrisiatiques et Tibetaines*. — 2018. — № 49. — Pp. 1—21. — DOI: 10.4000/emscat.3221.
39. *Tulaeva S.* Between Oil and Reindeer / S. Tulaeva, M. Tysyachnyouk // *Journal of Economic Sociology*. — 2017. — Vol. 18. — № 3. — Pp. 70—96.

TRADITIONAL USE OF NATURAL RESOURCES OF LOCAL OLD BELIEVER (SEMEISKI) COMMUNITIES OF TRANSBAIKALIA IN THE 18TH—20TH CENTURIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL BASIS OF THE STUDY

© **Svetlana A Kozlova (2020)**, orcid.org/0000-0001-5056-0346, Senior Lecturer, Department of Gamekeeping and Bioecology, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Irkutsk State Agricultural University named after A. A. Ezhevsky” (Molodezhnyy settlement, Irkutsk region, Russia), svetsergo1@yandex.ru.

Some theoretical aspects of the study of the traditional nature management of local Old Believer (Semei) communities living in Transbaikalia are considered. On the basis of the available theoretical works of cultural geography, ethnology, cultural studies, sociology and other related disciplines, the analysis of the concepts of "local community", "life support", "traditional nature management" in relation to Old Believer communities has been carried out. An attempt has been made to identify the merits of studying the Old Believers in Transbaikalia using the category of the local community. It is shown that in a comprehensive study of local communities of the Semeiskaya Transbaikalia, the following elements emerge: nature as the life environment of Old Believer communities, natural resources, traditions and a set of actions that regulate social and industrial life, the religious basis that determines the behavior of the community and its individual members, the main material and spiritual needs, to the satisfaction of which most of the energy of human collectives is directed. It is noted that the concept of "life support" is diverse, dynamic and has wide adaptive capabilities. The category of traditional nature management is used to study the cultural and geographical continuity of the Semeiskys and the specifics of their life support in the conditions of the Trans-Baikal geographic environment. In this regard, the traditional use of natural resources of Semeiskiye is presented as a set of strategies for the rational use of natural and land resources.

Key words: Old Believers; Semeiskiye Transbaikalia; local community; life support; traditional nature management; geographic environment.

REFERENCES

- Akhmetova, S. A. (2009). Selskoye lokalnoye soobshchestvo kak obyekt monograficheskogo issledovaniya [Rural local community as an object of monographic research]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki* [Scientific notes of the Kazan state University. Series : Humanitarian Sciences], 151 (5—2): 139—149. (In Russ.).
- Arensberg, C. M., Kimball, S. T. (1974). Community study: Retrospect and prospect. In: *The Sociology of Community: A Selection of Readings*. London: William Clowes and Sons, Ltd. 335—355.
- Barsukova, S. Yu. (2012). Neformalnaya ekonomika: ponyatiye, istoriya izucheniya, issledovatel'skiye podkhody [Informal economy: concept, history of study, research approaches]. *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological research], 2: 31—39. (In Russ.).
- Beloborodova, I. N. (2011). Stereotipnyye formy povedeniya v traditsionnom prirodoopozovaniy severnorussskogo krestyanstva (konets XIX — nachalo XX v.) [Stereotypical forms of behavior in the traditional nature management of the Northern Russian peasantry (late XIX — early XX century)]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural historical Bulletin], 2 (31): 73—81. (In Russ.).
- Condon, R. G., Collings, P., Wenzel, G. (1995). The best part of life: Subsistence hunting, ethnicity, and economic adaptation among young adult Inuit males. *Arctic*, 48 (1): 31—46.
- Cosgrove, D. E. (1998). *Social Formation and Symbolic Landscape*. Madison: University of Wisconsin Press. 321 p.
- Czepczyński, M. (2008). *Cultural landscapes of post-socialist cities: representation of powers and needs*. Burlington, Vt.: Ashgate Publishing, Ltd. 209 p.
- Dobryakova, M. S. (1999). Issledovaniya lokalnykh soobshchestv v sotsiologicheskoy traditsii [Research of local communities in the sociological tradition]. In: *Sotsiologicheskoye issledovaniya* [Sociological research].

- kiye issledovaniya* [Sociological research], 7. Moskva: FGUP «Akademicheskii nauchno-izdatelskiy, proizvodstvenno-poligraficheskii i knigorasprostranitel'skiy tsentr "Nauka"». 125—133. (In Russ.).
- Dobryakova, M. S. (2001). Issledovaniya lokalnykh soobshchestv v kontekste pozitivizma, subyektivizma, postmodernizma i teorii globalizatsii [Research of local communities in the context of positivism, subjectivism, postmodernism and the theory of globalization]. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoye modelirovaniye* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling], 13: 27—59. (In Russ.).
- Filippova, M. V. (1993). *Ekonomiko-geograficheskoye osnovy formirovaniya etnicheskogo prirodoopolzovaniya na primere malochislennykh narodov Irkutskoy oblasti — tofalarov i evenkov: avtoreferat dissertatsii ... kandidata geograficheskikh nauk* [Economic and geographical foundations of the formation of ethnic nature management on the example of small peoples of the Irkutsk region-Tofalars and Evenks. Author's abstract of PhD Diss.]. Irkutsk. 18 p. (In Russ.).
- Giddens, A. (1985). Time, space and regionalization. In: *Social relations and spatial structures*. London: St. Martins Press. 531—533.
- Hillery, G. (1955). Definitions of Community: Areas of Agreement. In: *Rural Sociology*, 20: 111—123.
- Kaganskii, V. L. (2013). Inner periphery is a new growing zone of Russia's cultural landscape. *Regional Research of Russia*, 3 (1): 21—31.
- Kaganskiy, V. L. (2001). Mir kulturnogo landshafta [The World of cultural landscape]. In: *Kulturnyy landshaft i sovetskoye obitayemoye prostranstvo* [Cultural landscape and Soviet inhabited space]. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. 23—133. (In Russ.).
- Kozlova, S. A. (2012). Zolotodobycha v Zabaykalye v 19—20 vv. i uchastiye v ney staroobryadtsev [Gold Mining in Transbaikalia in the 19th and 20th centuries. and the participation of the old believers]. *Regionovedcheskiy issledovatel'skiy zhurnal «Oykumena»* [Regional studies and research journal "Oecumene"], 3: 33—39. (In Russ.).
- Kozlova, S. A. (2019). Torgovlya v sisteme zhizneobespecheniya staroobryadtsev Zabaykalya v XVIII—XIX vv. [Trade in the life support system of the old believers of Transbaikalia in the XVIII—XIX centuries]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue], 2: 237—253. DOI: 10.24224/2227-1295-2019-2-237-253. (In Russ.).
- Kostrov, A. V. (2006). *Staroobryadchestvo i staroobryadcheskaya istoricheskaya mysl' vo vtoroy polovine XIX — nachale XX vv.* [Old Believers and old believers' historical thought in the second half of the XIX — early XX centuries]. Irkutsk: Izd-vo «Ottisk». 160 p. (In Russ.).
- Kostrov, A. V. (2010). Sovetskaya vlast' i staroobryadtsy Baykalskoy Sibiri v 20-e gg. XX v. [Soviet power and old believers of Baikal Siberia in the 20s of the XX century]. *Novyy istoricheskiy vestnik* [New historical Bulletin], 1 (23): 35—42. (In Russ.).
- Kuleshova, M. E. (2000). Kulturnyye landshafty: obshchiye predstavleniya, ponyatiya, podkhody k otsenke [Cultural landscapes: General ideas, concepts, approaches to assessment]. In: *Ekologicheskoye problemy sokhraneniya istoricheskogo i kulturnogo naslediya* [Environmental problems of preserving historical and cultural heritage]. Moskva: Rossiyskiy nauchno-issledovatel'skiy institut kulturnogo i prirodnogo naslediya. 37—52. (In Russ.).

- Kuleshova, M. E. (2013). Sultural landscapes and prospects for extending Russia's representation on the world heritage list. *Regional Research of Russia*, 3 (3): 301—307.
- Lewis, P. (1979). Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene. In: *The Interpretation of Ordinary Landscape: Geographical Essays*. New York: Oxford University Press. 11—32.
- Lowenthal, D. (1975). Past time, present place: landscape and memory. *Geographical Review*, 65 (1): 1—36.
- Maksimova, A. (2003). Traditsionnoye prirodopolzovaniye russkikh monastyrey [Traditional nature management of Russian monasteries]. *Alfa i Omega: sbornik statey* [Alpha and omega: collection of articles], 37. Available at: <https://www.pravmir.ru/traditsionnoe-prirodopolzovanie-russkikh-monastyrey/>. (accessed 25.08.2019). (In Russ.).
- Orekhovskaya, E. V. (2017). Transformatsiya opredeleniya termina «lokalnoye soobshchestvo» [Transformation of the definition of the term “local community”]. In: *Fundamentalnyye nauchnyye issledovaniya: teoreticheskiye i prakticheskiye aspekty: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Fundamental scientific research: theoretical and practical aspects: collection of materials of the IV International scientific and practical conference]. Kemerovo: Izd-vo OOO «Zapadno-Sibirskiy nauchnyy tsentr». 88—93. (In Russ.).
- Popova, O. V., Fatkulina, R. R. (2015). Geograficheskiy aspekt transformatsii prirodopolzovaniya staroobryadsev v Rossii [Geographical aspect of transformation of nature management of old believers in Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Orenburg state University], 6 (181): 217—228. (In Russ.).
- Ragulina, M. V. (2004). *Kulturnaya geografiya: teorii, metody, regionalnyy sintez* [Cultural geography: theories, methods, regional synthesis]. Irkutsk: Izd-vo In-ta geografii SO RAN. 171 p. (In Russ.).
- Ragulina, M. V. (2011). Integral Study of Ethnic Identity in Baikalian Siberia and the Role of Russian Colonization in its Shaping. In: *Social Identity: Series: Social Issues, Justice and Status*. New York: Nova Science Pub. 58—76.
- Ragulina, M. V. (2013). Lokalnoye soobshchestvo i kulturnyy landshaft v sovremennom mire [Local community and cultural landscape in the modern world]. In: *Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya: sbornik statey* [Modern problems of science and education: collection of articles], 6. Available at: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=10893> (data obrashcheniya: 25.08.2019). (In Russ.).
- Ragulina, M. V., Rogovskaya, N. V., Grigorieva, M. A., Ippolitova, N. A. (2018). Geographical factors of formation of agriculture in the Baikal Region in the XVII—XIX centuries. *Bylye Gody — Russian Historical Journal*, 48: 496—504. DOI: 10.13187/bg.2018.2.496.
- Sauer, S. O. (1925). The morphology of landscape. In: *University California Publ.: Geography*, 2: 19—53.
- Sirina, A. A. (2008). The Living Land: Ecological Ethics of the Evenks and Evens. *Sibirica*, 7 (2): 1—22.
- Sirina, A. A. (2018). The folks next door. Russian settlers and Evenki of the upper flow of the Lower Tunguska (19th — early 21st century). *Etudes Mongoles et Siberiennes, Centrasiatiques et Tibetaines*, 49: 1—21. DOI: 10.4000/emscat.3221.

- Trofimov, A. M., Chistobayev, A. I., Sharygin, M. D. (1993). Teoriya organizatsii prostranstva [Theory of space organization]. *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva* [Izvestia of the Russian geographical society], 125 (2): 10. (In Russ.).
- Tulayeva, S., Tysyachnyouk, M. (2017). Between Oil and Reindeer. *Journal of Economic Sociology*, 18 (3): 70—96.
- Vakhtin, N., Golovko, E., Shvaytser, P. (2004). *Russkiye starozhily Sibiri: Sotsialnyye i simvolicheskiye aspekty samosoznaniya* [Russian old-timers of Siberia: Social and symbolic aspects of self-consciousness]. Moskva: Novoye izdatelstvo. 290 p.
- Vedenin, Yu. A., Kuleshova, M. E. (2001). Kulturnyy landshaft kak obyekt kulturnogo i prirodnogo naslediya [Cultural landscape as an object of cultural and natural heritage]. *Izvestiya AN. Seriya geograficheskaya* [Izvestiya AN. Geographical series], 1: 7—14. (In Russ.).
- Yamskov, A. N. (2017). Sistemy zhizneobespecheniya i khozyaystvenno-kulturnyye tipy [Life support Systems and economic and cultural types]. In: *Etnos i sreda obitaniya: sbornik statey po etnicheskoy ekologii* [Ethnos and habitat: a collection of articles on ethnic ecology], 5: *Issledovaniya sistem zhizneobespecheniya*. Moskva: Staryy sad. 36—47. (In Russ.).
- Yamskov, A. N., Novikova, N. I., Tishkov, V. A. (2000). Traditsionnoye prirodopolzovaniye: problemy opredeleniya i pravovogo regulirovaniya [Traditional nature management: problems of definition and legal regulation]. In: *Yuridicheskaya antropologiya. Zakon i zhizn'* [Legal anthropology. Law and life]. Moskva: Izdatelskiy dom «Strategiya». 172—185. (In Russ.).
- Zazulina, M. R. (2017). «Lokalnoye soobshchestvo» v sisteme koordinat sotsialnykh nauk [“Local community” in the coordinate system of social Sciences]. In: *Filosofiya v usloviyakh sotsiokulturnogo mnogoobraziya: ot ekspertnogo znaniya do mirovozzrencheskikh oriyentirov: sbornik materialov Vserossiyskoy konferentsii, posvyashchennoy 100-letiyu gumanitarnogo obrazovaniya v Saratove* [Philosophy in the conditions of socio-cultural diversity: from expert knowledge to worldview guidelines: collection of materials of the all-Russian conference dedicated to the 100th anniversary of humanitarian education in Saratov]. Saratov: ITs «Nauka». 46—49. (In Russ.).